Юрий ГЕЛЬМАН КЛАССИКИ

1

Лампочка между этажами опять не горела. Можно было бы спуститься на лифте, но Илья Олегович не любил лифт. Не потому, что жил невысоко — на третьем, а потому, что в этой железной коробчонке держался въедливый запах человеческого происхождения. Неприятный, и от того еще более устойчивый. И потом — пока его дождешься, этот лифт. Гораздо быстрее соскользнуть по ступенькам лестничных маршей — всего-то четыре с кусочком пролета.

До автобуса он обычно шел дворами. От его девятиэтажки это занимало не более пяти минут. Сначала мимо зеленой трансформаторной будки, со всех сторон изрисованной граффити, потом мимо стройного ряда металлических гаражей с покатыми крышами. В проходе между домами, как в аэродинамической трубе, всегда бесновался ветер. Зато после этого потока, убивавшего в каждом прохожем утренний энтузиазм, неизменно наступала девственная тишина за углом — будто ветер, обессилев, падал на колени, извинялся и умирал сам.

В то июньское утро — яркое и многообещающее, но еще не жаркое — Илью Олеговича, спокойно шагавшего на работу, удивило препятствие, невесть откуда возникшее на пути.

Прямо перед «аэродинамической трубой» появилась довольно глубокая впадина в асфальте, огороженная пестрой лентой. Еще вчера ее не было, а сегодня — нате, пожалуйста.

Он замедлил шаги, невольно заглядывая в провал. Потом покачал головой и направился в обход. Теперь нужно было пройти назад, вдоль своего дома, вывернуть на улицу с другой его стороны и еще столько же пройти в обратном направлении — к остановке.

Привыкший к точности на работе и в жизни, Илья Олегович, тем не менее, всегда оставлял себе небольшой запас времени — на непредвиденные обстоятельства. Он практически никогда в жизни не опаздывал, внутренне радуясь тому, что умеет так правильно все рассчитывать. Вот и теперь, когда все пошло не по сценарию, он вовсе не торопился — до его автобуса оставалось достаточно времени.

За углом дома ему в глаза бросились четкие меловые линии на асфальте. Клетки с написанными внутри номерами от одного до десяти были нанесены на шершавую поверхность со старательностью — ровно, почти без искривлений. Илье Олеговичу показалось, что рисовали, прикладывая мел к линейке. Ему, преподавателю черчения, даже приятно стало на душе от аккуратности увиденной работы — еще бы, ведь именно подобной безупречности он добивался от своих учеников.

И вдруг ему, сорокадвухлетнему мужчине, до щекотания под лопаткой захотелось попрыгать по этим «классикам». Захотелось — и все. Он был слегка полноват, но полнота не портила его. Коллеги давно называли его по имени-отчеству, а он все еще испытывал неловкость от этого. Илья Олегович был моложав и подтянут, не выглядел на свои годы. И ему захотелось попрыгать.

Как это делалось в детстве? — вспоминал он на ходу. Сначала первые две клетки на одной ноге, в следующие нужно было приземлиться на две, потом снова перейти на одну, снова на две…

Оглянувшись и никого не увидев рядом, Илья Олегович впрыгнул в незатейливый геометрический рисунок. Придерживая пакет с обедом двумя руками, он легко и непринужденно скакал по асфальту. На его лице застыла просветленная улыбка.

«Если бы Катя увидела!..» — подумал он о жене и улыбнулся еще шире.

В последних двух клетках — «девятом классе и десятом» — нужно было совершить прыжок-разворот на сто восемьдесят градусов, чтобы потом вернуться к началу в обратном направлении. Илья Олегович легко взлетел в воздух и снова опустился на землю, точно попадая в нарисованные квадраты. При этом его руки как-то непроизвольно вспорхнули, чуть не выронив пакет. И еще в глаза ударил солнечный свет, обнявший одинокую фигуру с широко расставленными ногами.

Илья Олегович поднял голову, оглядывая балконы соседних домов. Никого не заметив, он еще раз улыбнулся налетевшим мыслям, бодро закончил свое произвольное выступление и удовлетворенный направился к автобусной остановке…

* * *

— Проходите. Присаживайтесь, — мягко сказал доктор Плеханов, указывая на кресло.

Он был темноволос, и даже в толстом сером свитере видно, что худощав. Жесткая щетина черных усов полностью скрывала его верхнюю губу, придавая лицу доктора добродушное выражение. В карих глазах, внимательно изучавших вошедшего, пряталась усталость.

Илья Олегович, преодолевая устойчивое сомнение и не находя места не только глазам, но и рукам, сделал три шага от входной двери к креслу. Оно было глубоким, оно будто обнимало сидящего, предоставляя ему максимальное количество удобств. Такое кресло располагало к долгой и доверительной беседе, с такого кресла просто не хотелось вставать. Илья Олегович ощутил это в первые же мгновения.

Доктор неторопливо выбрался из-за письменного стола, на котором остались несколько раскрытых книг. Жестом он повторил приглашение присаживаться, а сам устроился напротив — в таком же глубоком кресле.

— Итак… — доктор сделал паузу, вглядываясь в лицо Ильи Олеговича. Он не сказал «ну» — он не понукал собеседника, и это уже радовало. — Что вас привело ко мне? Я внимательно слушаю.

Илья Олегович вздрогнул. Он готовился к неординарной беседе, подбирая накануне стартовые слова. Но теперь пригласительная фраза доктора как-то неожиданно ввела его в ступор.

— Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, — проницательно сказал доктор. — Я понимаю, всегда трудно даются первые фразы… Итак, что вас беспокоит?

— Понимаете, доктор, со мною что-то происходит…

— «Ко мне мой старый друг не ходит», — пошутил доктор словами из известной песни, и под его усами сверкнули зубы.

Илье Олеговичу сразу стало как-то легче.

— Понимаете, доктор, с некоторых пор я стал другим человеком, — сказал он. — Я заметил в себе перемены, и они…

— Что?

— … они угнетают меня…

— А в чем это выражается?

— Я не могу это объяснить в двух словах.

— Объясните в трех, в четырех. В конце концов, моя работа заключается в том, чтобы выслушивать клиентов и помогать им. Чем больше и подробнее вы о себе расскажете, тем легче нам удастся отыскать верные пути для решения проблемы. Заметьте, я сказал «нам удастся». Вы будете мне помогать, не так ли?

— Я готов, — сказал Илья Олегович. — Пожалуй, мне следует рассказать вам все с самого начала.

— Извольте, — доктор Плеханов уперся рукой о мягкий подлокотник и опустил подбородок в подставку из пальцев.

— Что ж… это началось… это со мной началось примерно полгода назад. Я вдруг стал замечать за собой способность предсказывать какие-то события. Одним словом, будущее.

— Так-так, интересно, — оживился доктор. — Далекое будущее? Или то, что произойдет в скором времени?

— По-разному.

— Очень интересно! А самый первый случай помните?

— Да, пожалуй, — сказал Илья Олегович. — Я как раз шел на работу. Это было в июне. Понимаете, стою на остановке, жду свой автобус. Мне до техникума через полгорода ехать. Все как обычно, одни и те же лица вокруг — привыкли видеть друг друга каждое утро. Многие уже здороваются как со знакомыми. Вот и я стою себе, смотрю в одну точку… и вдруг… вижу женщину, переходящую дорогу. Она, наверное, торопилась, потому что перебегала улицу на красный свет. Многие, впрочем, так делают, и я сам грешу иногда. Посмотришь бегло по сторонам, оценишь ситуацию — и вперед.

— Да, нашим пешеходам культуры не хватает, — согласился доктор. — Вот в Прибалтике я был когда-то. Там если горит красный, а машин и в помине нет, все равно пешеходы будут стоять на тротуаре до тех пор, пока для них не загорится зеленый.

— И не только в Прибалтике, — согласился Илья Олегович. — Во всем мире, наверное, так принято.

Он сделал паузу.

— Простите, я вас отвлек, — вмешался доктор.

— Нет-нет, я продолжаю. Так вот, перебегает женщина, а я вдруг так ясно, отчетливо вижу картину: она уже на середине проезжей части, и ее сбивает машина. Такое примерещилось вдруг, понимаете. И не успел я подумать, что глупость все это, как случилось то самое, что я только что видел. Представляете?

— Ее реально сбила машина?

— Да. Иномарка какая-то. С таким звуком неприятным, понимаете… Тут паника началась, кто-то побежал к этой женщине — ее на несколько метров отбросило ударом. Кто-то на водителя накинулся. А я стою и будто оцепенел весь. Смотрю на всю эту возню и в толк не возьму, как так получилось, что я видел это заранее…

— Да, интересно, — доктор почесал подбородок. Его усталые глаза оживились. — Весьма интересно. И вы говорите, что раньше никогда…

— Никогда, доктор, — покачал головой Илья Олегович. — Я же не Нострадамус какой-нибудь, я простой человек.

— Так, хорошо, — согласился доктор Плеханов. — А что потом?

— Подошел автобус, и я поехал на работу. Там, возле места аварии, уже милиция была, «скорая». И весь день эта картина у меня из головы не шла. И не только этот день.

— И вы говорите, что с этого все началось?

— Именно так. А потом пошло-поехало. Не скажу, что часто, но раза два в неделю что-то предугадывал. И не только в окружающей меня среде. Вы понимаете?

— Стараюсь.

— Я имею в виду не только на работе или дома, но и в мире вообще, — пояснил Илья Олегович. Он пристально смотрел на доктора — понимает ли тот проблему.

— Говорите, — кивнул доктор. — Любые события, любые подробности, прошу вас. Каждая мелочь, каждый, казалось бы, незначительный штрих может впоследствии помочь нам…

— Да, я расскажу. Мне нечего скрывать от вас. Я ведь пришел за помощью.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил доктор Плеханов.

— Так вот, — продолжил Илья Олегович, — как я уже говорил, пошло-поехало. После того случая прошло, наверное, дня два или три. Был выходной. Мы с женой обычно с утра по хозяйству, рынок там, уборка. А вечером ходим гулять: зимой больше в театр, а летом — на воздух, к реке. Ну вот, идем это мы по набережной. Народу кругом полно, с детьми гуляют. На воде — байдарки. У нас там, знаете, спортивная школа по гребле? — Доктор кивнул. — Ветра почти не было, река спокойная такая, гладкая. Только легкая рябь на поверхности. И вдруг мне представляется, что одна из лодок переворачивается, а гребец тонет. И я умом понимаю, что они ведь все должны уметь плавать, иначе их, наверное, и на воду выпускать нельзя…

— И?..

— И действительно, одна лодка переворачивается. С набережной люди смотрят, лодка спокойно так лежит вверх килем, а гребца рядом не видно. Если бы он показался из воды, за лодку уцепился, тренер на моторке бы подошел, помогли бы, вытащили… А его нет, понимаете. Как мне виделось несколькими секундами раньше… Тут паника началась, другие лодки поближе подошли, кто-то стал нырять, тот же тренер на моторке… А там, на середине реки, глубоко ведь…

— Вытащили? Спасли?

— Не знаю, доктор. Мы ушли. Жена расстроилась, разволновалась. Ее такие картины из колеи выбивают.

— А вас?

— А я все в себе держал, не давал волю эмоциям. И силился понять, что же со мной такое происходит, но ничего в голову не шло.

— Да уж, — протянул доктор Плеханов, — такая вот завязочка выходит…

— А потом и вовсе пошло все куда веселее, — продолжил Илья Олегович. — Я слово «веселее» в кавычки взял, вы понимаете?

— Понимаю.

— Так вот. Погодные аномалии стали мне предвидеться: штормы там, смерчи всякие или торнадо. Даже шаровая молния однажды представилась, хотя я в своей жизни ее никогда не видел. И все связано с гибелью людей, представляете? То в Китае, то в Оклахоме, то у нас, то еще где-то. Я ведь потом по Интернету всем своим предвидениям продолжения находил… Соответствия, так сказать…

— Все, что вы мне рассказываете, весьма любопытно, — сказал доктор. — Пытаюсь сейчас вспомнить что-либо подобное из моей практики…

Илья Олегович вопросительно посмотрел на доктора.

— Продолжайте, сделайте одолжение, — мягко сказал тот. — Вам ведь есть еще о чем рассказать?

— Конечно! Так вот, стал я думать, как с этим своим… даром, что ли, жить дальше. И решил, если что вдруг увижу этакое, постараюсь предупредить. Понятно, что за границу куда-нибудь сообщить — это дело практически невозможное. А что касается людей поблизости, то почему бы и нет. Особенно на работе. Одной женщине, она у нас в техникуме историю преподает, сказал как-то, чтобы домой шла по другой стороне улицы, не то ветка с платана отломится и ей на голову упадет…

— Послушала вас?

— Нет, представьте. Посмеялась, у виска пальцем покрутила.

— А ветка…

— Отломалась, как я и говорил, — с досадой сказал Илья Олегович. — И Елена Ивановна в больницу с сотрясением попала…

— А потом?

— Потом сторониться меня стала, будто я напророчил ей это все, наколдовал. А я ведь, наоборот, предупредить хотел, по доброму… Так она еще и коллег науськала, и потом, что бы я кому ни говорил, меня не слушали и гнали отовсюду. Даже стало как-то неуютно в коллективе, в котором я почти пятнадцать лет отработал…

— У нас всегда так: нет пророка в своем отечестве, — сочувственно заметил доктор Плеханов.

— Это точно, — подтвердил Илья Олегович и протяжно вздохнул.

— А жена? Как жена отнеслась к вашему… дару?

— В том-то и дело, — оживился Илья Олегович, — что она до сих пор не знает ничего!

— Как это?

— Да вот так! Если бы я ей рассказал… Не представляю, что было бы…

— А что было бы? — теперь оживился доктор. — Возможно, она бы порадовалась за вас. Разве нет?

— Не уверен. Скорее — наоборот. Она у меня такая мнительная…

— И как вам удавалось все эти полгода скрывать свои возможности?

— Не знаю, как-то удавалось…

— А дети? Они ведь всегда намного чувствительнее взрослых.

— У нас нет детей, не дал Господь, — Илья Олегович поджал губы, как-то виновато посмотрел на доктора. — Впрочем, это к делу не относится.

— Ну, хорошо. Что же было дальше? Какие еще вам представлялись картины?

— Вы не поверите, доктор, — сказал Илья Олегович, — но вскоре я даже международные конфликты стал предвидеть. Насилие, массовые жертвы…

— Действительно?

— Ей-богу, не вру! Мне нет смысла вам говорить неправду. Вы же понимаете?

— Конечно.

— Так вот. Помните, три месяца назад в Африке что творилось?

— Ну, как же! Ливия, Сирия.

— Именно!

— Вы хотите сказать…

— Да-да, доктор! Я хочу сказать, что все эти перевороты, все эти смуты, бомбежки и обстрелы я видел задолго до того, как об этом стали говорить по телевизору и комментировать в Интернете! И еще знаете, какая странность?

— Какая же?

— Дело в том, что я раньше никогда не слышал ни о каких конфликтах, ни о каких терактах. Даже землетрясения или наводнения случались крайне редко. Телевизор же смотрю каждый день. Новости там, познавательные программы и прочее. Вы ведь тоже современный и к тому же разумный человек. Вы не можете со мной не согласиться.

— И я соглашаюсь…

— А теперь, — продолжал Илья Олегович, — я имею в виду после того… как… так сплошь и рядом что-то случается. Я ничего не понимаю! Я устал так жить! Меня все время преследуют чужие мысли, посторонние страсти, какие-то явления, о которых

просто страшно думать. Я не могу сосредоточиться на каком-нибудь своем собственном интересе, книгу почитать, в конце концов!

— Слушайте, вы — уникальный человек! — воскликнул доктор Плеханов. — Вам не беспокоиться надо о ваших способностях. Вас бы, как это сказать… раскрутить, пропиарить, что ли! Новая Ванга или Вольф Мессинг, так сказать, в лице простого преподавателя… Что вы там читаете в техникуме?

— Черчение.

— Честное слово, я в восторге! — воскликнул доктор.

— Вы смеетесь надо мной? — то ли удивляясь, то ли обижаясь, спросил Илья Олегович. — Я ведь за помощью к вам пришел…

— А я вам ее окажу, любезный мой, — мягко сказал доктор. — Только вы должны пообещать, что внимательно выслушаете меня.

— Естественно. Об этом можно было и не просить.

— Вот и отлично!

Доктор Плеханов поднялся со своего кресла, размял ноги. Сделал несколько пружинистых шагов по кабинету, подошел к окну. Короткий январский день клонился к закату. Оранжевое солнце кокетливо пряталось за покатой крышей соседней пятиэтажки.

— Так вот, — начал доктор, поворачиваясь к Илье Олеговичу, но оставаясь у окна, — я

вам вот что скажу…

Он замолчал, будто собираясь с мыслями. Свет дня потускнел, и сразу стало как-то холодно в воздухе — не только уличном, но и кабинетном.

— Представьте себе такую ситуацию, — продолжил доктор Плеханов, — вы сидите на лавке и грызете семечки. Вынимаете из кармана горсть в тридцать или сорок штук, а потом выбираете из ладони по одной и раскусываете зубами. Вкусно и приятно, ведь так? Едва ли отыщется человек, которому бы не нравился вкус жареных семечек. Однако речь не об этом, а вот о чем. Представьте дальше, что одна из семечек вдруг выскальзывает из ваших пальцев и падает на землю. Вы либо не замечаете этого, либо сопровождаете это падение взглядом легкого сожаления. А потом продолжаете грызть остальные. И вот главный момент моей теории. Почему упала именно эта семечка? Как и по каким законам это произошло? Почему именно ей не суждено было раствориться в вашем желудке, а пришлось затеряться в песке улицы? Из сотен и тысяч других была выбрана именно она. Почему?

— Я не знаю, я как-то не…

— Так из десятков и сотен миллионов людей выбирается один, кому суждено гениально проявить себя на каком-либо поприще, — продолжал доктор. — Назначается Избранный… По каким законам? И кем назначается?..

— Это вы у меня спрашиваете? — робко спросил Илья Олегович.

— Нет, это все еще мои рассуждения.

— Простите, доктор, я пока не совсем понимаю, куда они ведут.

— Я поясню. Дело в том, что мир давно стал иным. Не будем вдаваться в подробности

безобразной деформации социума, примем как аксиому то, что за последние несколько десятилетий мир действительно сильно изменился. Причем, в худшую сторону. Претерпел, так сказать, искажение и перекос. Мы, то есть человечество в целом, подошли вплотную к некой роковой отметке, к порогу насилия. Он существует, этот порог, уж поверьте мне. На Земле накопилась критическая масса отрицания любви. И Природа, как подвижная, мыслящая субстанция, просто не может смириться с подобными переменами. Природа не терпит дисбаланса, это нарушает законы Вселенной.

— Природа — это Бог? Вы это имели в виду?

— Дело не в терминологии, — ответил доктор Плеханов, — дело в содержании.

— Простите, а вы действительно психоаналитик?

— Вам диплом показать?

Илья Олегович заерзал в кресле. Ему было явно не по себе, но и прерывать так далеко зашедший разговор не хотелось.

— Таким образом, время от времени в этот мир приходят те, кому поручено вернуть человечество к балансу, — продолжил доктор. — Это избранные люди. Их никогда не бывает много. Но их деятельность для человечества бесценна.

— Вы имеете в виду… Но… почему именно я?!

— Я не знаю ответа. Знать — это не моя компетенция. Мне поручено только пояснить вам…

— Как это поручено?..

Илья Олегович пристально всматривался в лицо доктора, но на фоне тускнеющего окна все его черты сливались в одно серое пятно. Лишь голос — мягкий и настойчивый — оживлял эту монолитную фигуру.

— Вы полагаете, голубчик, что наша встреча носит абсолютно случайный характер?

— Я как-то не задумывался над этим, — Илья Олегович смутился еще больше. – Просто накопилось, и я решил выяснить…

— У нас в городе полтора десятка психоаналитиков. Почитайте толстую газету с объявлениями — убедитесь сами. Но вы пришли именно ко мне. Почему?

— Я не знаю.

— Вы должны согласиться с тем, что вас, как бы это сказать, «привели» именно в мой кабинет некие силы.

— Силы?

— Ну, не в прямом смысле, вы же понимаете.

— В этом есть какая-то мистика.

— Отнюдь, — спокойно возразил доктор Плеханов. — Да, очень многих вещей нам,

людям, не дано понять. Но сегодня, в эту минуту, вы просто обязаны мне верить, иначе… Поймите, дорогой Илья Олегович, на вас возложена очень ответственная миссия… И мне дозволено только сказать вам об этом…

— Я… начинаю вас бояться…

— Это нормальная реакция нормального человека, — ответил доктор Плеханов.

Он прошел к входной двери, щелкнул выключателем, и кабинет залил мягкий матовый свет нескольких потолочных светильников. Потом доктор сдвинул тяжелые атласные шторы кремового цвета, и в комнате сразу стало уютнее и теплее. Он снова уселся в кресло напротив и долго смотрел мимо Ильи Олеговича, будто собираясь с мыслями.

— То, что вам удается видеть — это следствие, — неожиданно продолжил доктор. — А копнуть в глубину, отыскать причину этого, суть явлений — более сложная задача. Это не дано вам, поскольку у вас иная цель, и это тем более не дано тем, кто в силу различных обстоятельств лишается возможности анализировать.

— Но я же стараюсь предупреждать людей! Однажды мне показалось, что это действительно важно!

— Пока это только репетиции, так сказать, тренировки ваших возможностей. Дальше все будет значительно масштабнее.

— Вы так думаете? Откуда вам это известно?

— Какое это имеет значение? Речь сейчас не обо мне, а о вас, голубчик, — доктор сделал паузу, внимательно вглядываясь в лицо Ильи Олеговича. — Понятно, что далеко не каждый воспринимает ваши предупреждения адекватно. И только тот, кто находит в себе силы прислушаться к пророчеству, получает доступ к более высокой сфере

душевной деятельности — к размышлению, к анализу, к поиску законов, пока еще скрытых от нас.

— То есть вы хотите сказать, что предупреждая людей об опасности, будь то мелкой, локальной, или какой-то глобальной, связанной с войнами или катаклизмами, я просто наталкиваю их на мысль о том, что так, как они все живут, жить нельзя, что нужно что-то менять в этом мире?.. Менять к лучшему?

— Да, так или примерно так. Природа, как вы сами знаете, весьма терпелива, она слишком долго позволяла человечеству внедрять в окружающий мир колоссальное количество негатива. Но всему есть предел. И подтолкнуть людей к размышлению возможно только через катаклизмы. С их помощью происходит процесс очищения. Очищения от скверны. Да, чаще всего в катаклизмах гибнут ни в чем не повинные люди. Возможно, с нашей обывательской точки зрения это не гуманно. Однако правила устанавливаем не мы с вами, и гуманизм в этих правилах, вероятно, имеет иную трактовку. Человеку давно необходимо усвоить одну простую истину: мы не цари природы, а всего лишь неразумные ее дети. И для иных, более развитых цивилизаций — а я лично убежден, что они существуют — все то, что творится в нашем мире, воспринимается как образ жизни землян! Они потому и не входят в прямой контакт с нами, поскольку видят, что у цивилизации Земли нет внутреннего согласия.

— Гм, — хмыкнул Илья Олегович, — я сам давно думал об этом. Еще до… Ну, вы понимаете… Я думал о том, что человечество — как слепой, осторожно идущий по незнакомой улице и нуждающийся в поводыре.

— Вот именно, Илья Олегович, вот именно! — воскликнул доктор Плеханов. — Ваши мысли и образы, отразившиеся от энергоинформационного поля Вселенной, как раз и послужили причиной… И пришло время выбрать именно вас…

— Если честно, я просто в шоке!

— Я вас отлично понимаю. Но кто-то же должен был этим заняться. Если бы не назначили вас, ко мне пришел бы кто-то другой… Человечество действительно нуждается в поводыре, как вы сами изволили выразиться. И сейчас как никогда раньше!

Представьте только на минуту, что в случае какой-то глобальной катастрофы нам, землянам, просто некуда деться с нашей маленькой и прекрасной планеты. Мы еще не научились жить вне ее пределов, зато вплотную приблизились к ее уничтожению! Это страшно!

— Да, это страшно! — повторил Илья Олегович, нахмурившись. — Получается, что у землян нет выхода?

— Напротив, есть! Человечество необходимо привести к безопасности, к гармонии, — продолжил доктор. — И эта безопасность — основа не только физического, но душевно-психического и духовного здоровья каждого отдельного человека и всей цивилизации в целом. Вот для чего нужны Избранные. Теперь вы понимаете, насколько важна ваша миссия?

— Да, понимаю.

— Теперь вас не будет мучить и тяготить этот дар прекогниции, проще говоря, ясновидения, полученный вами для всеобщего блага?

— А вот этого я не знаю… Я слишком маленький человек, чтобы тащить на себе такой груз. А из ваших слов выходит, что мне предстоит стать новым предсказателем, кем-то вроде Ванги. И предупреждать землян… И вести их к гармонии… И сохранить человечество… Мне!

— По-видимому, вы себя недооцениваете.

— Может быть, доктор, я слишком субъективен.

— Мы все субъективны, голубчик, — улыбнулся доктор. — Каждый из нас, и даже тот, кто нас создал…

Он поднялся, показывая, что разговор подошел к завершению.

Илья Олегович встал, с искренним смущением посмотрел на доктора и развел руками.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, принужденно улыбаясь.

— Не смею вас задерживать. Заходите, если что, — ответил доктор.

— А если – «что»?

— Ну, мало ли…

— А если я передумаю? — вдруг спросил Илья Олегович.

— В каком смысле?

— Ну, не стану никого и ни о чем предупреждать. Вот буду видеть какие-то картины будущего, но держать все эти знания в себе…

— Не советую, голубчик, — с состраданием в голосе ответил доктор Плеханов. — Во-первых, знания, не отданные людям, попросту разорвут ваш мозг на куски. Но даже если этого все же не случится, вы сами себе никогда не простите подобной слабости… Вы ведь разумный человек, не так ли? И даром, посланным свыше, просто не сможете пренебречь. Так что идите и выполняйте свой долг. Удачи вам на этом поприще! И счастья!

— И все же я подумаю… Мне кажется, я еще не готов…

2

Илья Олегович не спал всю ночь. В его голове роились стаи мыслей, которым никак не находилось места в бесконечных ячейках сознания и памяти. Они шумели и галдели, словно чайки на птичьем базаре. Илье Олеговичу даже казалось, что в какой-то момент он стал выражать эти мысли вслух, и он испугался, что разбудит жену.

Тогда, бесшумно одевшись, Илья Олегович проскользнул на балкон. Колючий воздух январской ночи взбодрил его, в один миг отсек беспорядочное, хаотичное роение пустых образов и ассоциаций. И в сознании выстроилась ясная и четкая картина его жизни — логичная и до мелочей выверенная конструкция, которая в один роковой момент претерпела необратимое искажение.

«Стоп! Когда же на самом деле это случилось? — спрашивал он себя. — В какой отрезок времени, упущенный мной? И почему, почему, ПОЧЕМУ, черт возьми, навязчивая мысль о необратимости случившегося преследует меня?! Доктор Плеханов ничего не говорил о необратимости… Гм, доктор Плеханов… Кто он на самом деле?.. Действительно сильный психоаналитик или представитель иной цивилизации, установивший контакт со мной? Бред! Настоящий бред. Так можно додуматься до сумасшествия!..»

Илья Олегович опустил глаза вниз, скользнул взглядом по детской площадке, расположенной посреди двора. Снега в эту зиму еще не было, и студеные цветные трубы разных лесенок, голые сидения качелей и карусели выглядели сиротливо и опустошенно.

И вдруг он вспомнил. Глубоко вдохнул, задерживая холодный воздух в легких, затем

длинно выдохнул тонкой струйкой пара из вытянутых губ. Воспоминание было стойким и не исчезало. И таким очевидным, что Илье Олеговичу даже стало как-то стыдно перед самим собой за то, что оно раньше не пришло ему в голову. И уже после этого он еле дождался утра.

Будильник сработал в ту минуту, когда Илья Олегович уже умывался. Жена Катя, привыкшая, что рука мужа всегда быстро останавливает «чудовищный» пробуждающий сигнал, долго не могла понять, почему будильник никак не замолкает.

Потом был привычный завтрак. Илья Олегович изо всех сил старался казаться обыкновенным, повседневным.

— Ты плохо выглядишь, — сказала жена, разливая кофе в чашки. Она всегда была внимательной женщиной. — Что-то случилось?

— Разве? Впрочем, я плохо спал, — честно признался Илья Олегович. — Знаешь, приснилось что-то непотребное, я проснулся, долго не мог отогнать от себя, а потом как-то задумался, замечтался…

Он посмотрел на жену, хрупкую даже в толстом махровом халатике цвета морской волны, и прилив нежности к ней заставил его улыбнуться.

— Все будет хорошо… — со спокойной уверенностью сказал он.

— Ты о чем?

— Вообще…

— Я положила тебе не три бутерброда, а четыре, — сказала Катя, пожимая плечом. — Ты говорил, что у тебя сегодня на пару больше, а потом еще консультации.

— Да, студенты готовятся к зачету, — ответил он, обнимая ее за талию, — я действительно задержусь. Спасибо, солнышко!

Он поцеловал жену в щеку, торопливо оделся и устремился по лестнице вниз.

Лампочка между этажами опять не горела. Можно было бы спуститься на лифте, но Илья Олегович не любил лифт. Не потому, что жил невысоко — на третьем, а потому, что в этой железной коробчонке держался въедливый запах человеческого происхождения. Неприятный, и от того еще больше устойчивый. И потом, пока его дождешься, этот лифт… Гораздо быстрее соскользнуть по ступенькам лестничных маршей — всего-то четыре с кусочком пролета.

Уже рассвело. Серый морозный воздух был угрюм и неподвижен. Где-то за домами зарделся край горизонта.

Выйдя из подъезда, Илья Олегович стремительными шагами направился вдоль своего дома — красивого и вместительного, но сегодня почему-то очень длинного, непропорционально длинного, неприлично длинного… Ему так хотелось поскорее очутиться перед тем местом, которое однажды круто изменило его собственную жизнь.

Да, это понимание пришло ночью после долгих и мучительных размышлений. Ошибки быть не могло. Илья Олегович еще и еще раз вспоминал и сравнивал, вспоминал и сопоставлял. И всё сводилось к одному: случайный рисунок на асфальте стал причиной всех несчастий. Да, именно так! Он не сказал об этом доктору Плеханову, потому что во время беседы с ним еще сам не понимал, где берет начало источник его бед. Но теперь все повернется вспять. Теперь будет принято противоядие… Он шел навстречу своему решительному поступку, и твердо верил, что не ошибается в предположениях.

«… Как это делалось в детстве? — вспоминал он на ходу. — Сначала первые две клетки

на одной ноге, в следующие нужно было приземлиться на две, потом снова перейти на одну, снова на две…»

Оглянувшись и никого не увидев рядом, Илья Олегович впрыгнул в незатейливый геометрический рисунок. Придерживая пакет с обедом двумя руками, он легко и непринужденно скакал по асфальту. На его лице застыла просветленная улыбка…

… На автобусной остановке как всегда стояло несколько человек — с некоторыми Илья Олегович даже иногда раскланивался. Он подошел, привычно кивнул мужчине в длинном коричневом пальто и стал озираться по сторонам. До автобуса было ровно три минуты. Эти три минуты Илья Олегович провел в напряженном ожидании чего-то необыкновенного, чего-то особенного, известного и понятного ему одному. Но, к его великому удивлению и не менее огромной радости, вокруг ничего не происходило. Ровным счетом ничего! Ни вокруг него — на этой морозной утренней улице, ни где-нибудь в мире — в какой-нибудь далекой африканской стране или на затерянных в океане островах… Ничто в данную минуту не застревало у него в голове, ничто не просилось наружу в виде жгучего желания предупредить об опасности.

«Получилось! Получилось! — ликовал Илья Олегович. — Все-таки я был прав! Эти «классики», это чудовищное стечение обстоятельств! Почему именно я должен был нести это бремя? Ну, теперь все наладится, все будет по-старому. Да, кстати, теперь надо бы навестить доктора Плеханова: что он скажет мне на этот раз?»

* * *

— Здесь никогда не было никакого офиса, тем более частного медицинского кабинета, — сказал седой охранник с красным прыщем на левой щеке. — Так что уточните адрес.

— Как же так! — Илья Олегович был удивлен до предела. — Только вчера я был здесь на приеме у психоаналитика…

Охранник с подозрением и одновременно с сочувствием посмотрел на незнакомого мужчину.

— Может быть, вы нездоровы? — осторожно спросил он. — Понимаете, я уже семь лет здесь работаю, и в этом помещении всегда был обувной бутик.

— Как странно, — пробормотал Илья Олегович, — извините…

— Ради бога! — кивнул охранник. — Всего хорошего.

Илья Олегович сделал несколько неуверенных шагов по тротуару. Он вдруг почувствовал, как асфальт уходит из-под ног. Тело становилось ватным, неуправляемым. Но мозг лихорадочно работал.

«Что же это? — проносилось в голове озадаченного мужчины. — Что происходит? Может быть, я сошел с ума? Может быть, я давно действительно болен, а проявилось это только сейчас?..»

Он шел по улице, пугливо озираясь по сторонам. Он боялся встретить настороженные взгляды прохожих, боялся отыскать подтверждение своим черным мыслям. Но люди шагали мимо или обгоняли его, не замечая состояния Ильи Олеговича. Никто не заглядывал ему в глаза, никто не шарахался в сторону.

«Может быть, это сон, — подумалось ему, — долгий содержательный сон — как сериал, как эпопея, настолько подробная и очевидная, что сознание отказывается понимать, где кончается реальность, и где начинается мистика. И есть только один способ проверить это — проснуться».

И он решительно направился домой — туда, где в квартире с современной планировкой был у Ильи Олеговича отдельный уголок, скромная небольшая комната в девять квадратных метров, гордо называвшаяся «кабинетом». В нем были книжный шкаф, стол для работы и старый дедовский диван с валиками по бокам, обтянутыми рыжеватой кожей.

«Скажу Кате, что очень устал, а сам запрусь в кабинете и завалюсь спать пораньше, — решил Илья Олегович. — Она у меня женщина умная и тактичная, расспрашивать ни о чем не станет. А завтра выходной, все вернется на свои места. Может быть…»

Сомнения все же теребили его душу. Он понимал, что где-то есть ошибка, есть какой-то сбой в логике событий, и самому в этом разобраться будет чрезвычайно сложно. И где теперь доктора Плеханова искать? «Заходите, если что…»

… Дверь была обита кожвинилом вишневого цвета.

— Что за чертовщина! — вырвалось у Ильи Олеговича, когда он поднялся на свою лестничную площадку.

Он оглянулся по сторонам — номера квартир не изменились, да и двери соседей оставались узнаваемыми. Только своя родная вдруг стала другой.

«Стоп! Может быть, я случайно в чужой подъезд вошел? — подумал он. — Нет, глупости, нумерация квартир была бы другой. Это точно мой подъезд и моя квартира. Но дверь!»

Тихо войти не удалось — дрожали руки, поэтому хлопок двери получился излишне шумным. Обычно Катя звала «кто пришел?» и выходила встречать мужа в прихожую. Они жили вдвоем, и кроме самого Ильи Олеговича прийти никто не мог, так что этот шутливый вопрос жены давно уже был переведен в разряд семейной традиции.

Вот и сейчас он снимал куртку, прислушиваясь к голосу из комнаты. Но вместо этого в проеме двери бесшумно появилась сама хозяйка. Илья Олегович оглянулся и успел заметить крайнее изумление в глазах жены. А потом ее тело в один миг потеряло упругость, и она тихо сползла на пол, опираясь спиной о дверной косяк.

— Катенька! Что с тобой? — Он кинулся к ней, подхватил бездыханное тело жены и отнес в кресло, что стояло в гостиной. — Катенька, очнись! Прошу тебя!

Потом Илья Олегович метнулся в ванную, быстро намочил полотенце и, вернувшись в гостиную, приложил холодную мокрую ткань к лицу женщины. Та вздрогнула и раскрыла глаза.

— Илюша… — прошептала она.

— Да-да, это я, — ответил он, стоя возле нее на коленях и гладя жену по голове. — Держись, родная, что это ты так… Я сейчас тонометр возьму… давление измерим…

— Илюша…

Она смотрела на него не моргая, будто хотела убедиться, что нет никакой ошибки, и в ее широко раскрытых глазах, сменяя друг друга, мелькали испуг и удивление. И еще примешивалась радость. А он молча гладил ее и улыбался.

— Где… ты… был?.. — наконец тихо спросила она, разделяя слова. По ее щекам потекли слезы.

— В техникуме, конечно, — ответил Илья Олегович, — ты ведь знаешь, что у меня сегодня подготовка к зачету, вот я и задержался.

— На полгода?

— На какие полгода? — переспросил Илья Олегович. — Сегодня утром ты мне сама на один бутерброд больше дала, знала, что приду позже.

— Какой бутерброд, Илюша? Ты о чем? Я ничего тебе не давала.

Он посмотрел на жену с опаской, осторожно потрогал ее лоб — жара не было. Потом взял ее запястье и прослушал пульс.

— У тебя был обморок, — сказал он нежно. — Ты просто еще не пришла в себя.

— А ты считаешь, что я легко могу прийти в себя после твоего появления? Илюша, что произошло? Седьмого июня прошлого года ты ушел на работу и вернулся только сегодня, восемнадцатого января. Как это понимать?

— Что?! Ты не бредишь, родная?

— Я не брежу. Я тогда обзвонила все больницы, все морги — тебя нигде не было! Я подала заявление в милицию, тебя искали почти два месяца. По всей стране искали! Знаешь, бывает, с людьми что-то случается, они теряют память и оказываются в совершенно незнакомой местности, где их никто не знает, да и они не могут ничего о себе рассказать. Эти варианты тоже рассматривались, Илюша. Ты просто исчез бесследно! Как будто улетел на другую планету. Что я должна была думать? Как я должна была жить?

Илья Олегович молчал. Его лицо стало хмурым, почти угрюмым. Он не знал, как объяснить жене свое отсутствие, хотя обо всем уже начинал догадываться.

— А дверь? — вдруг спросил он. — Она ведь не была такой…

— А дверь мы с тобой собирались утеплить, помнишь? Еще спорили, какого цвета выбрать кожвинил. Пришлось мне самой, еще осенью…

Илья Олегович поднялся с колен и только теперь заметил, что еще не снял ботинки. Он сделал шаг в сторону прихожей, потом остановился.

— Мне надо выпить! — решил он вслух. — У нас… у тебя есть что-нибудь?

— В серванте половина бутылки коньяка, помнишь? Только он уже выдохся, наверное.

— Полбутылки сейчас будет мало… — пробормотал Илья Олегович и побрел в прихожую.

* * *

— Знаешь, у меня нет оснований тебе не верить, — сказала Катя. — Но все это выглядит так странно, просто не укладывается в голове… Параллельный мир, этот твой дар… Похоже на какой-то научно-популярный фильм с познавательного канала.

— У меня у самого в голове каша, — ответил он. — До сих пор не могу в себе разобраться.

— Я понимаю, ты пережил такую метаморфозу…

— Да уж. Не каждому выпадают подобные испытания…

Они лежали на боку и тихо разговаривали. Илья Олегович дышал в затылок жене. Зеленые цифры электронных часов неторопливо разбазаривали минуты, и те ускользали в глубокую ночь.

— Неужели в том мире действительно все так плохо? — после паузы спросила Катя.

— Все познается в сравнении. И я убедился в этом очень быстро. У нас как-то намного спокойнее. Здесь уверенно правит общество духа, а там…

— А что там?

— А там общество разума только нащупывает путь к духовности. Люди еще не научились уважать и любить друг друга…

— А как же они живут?

— Я бы сказал, что в постоянном стрессе.

— Это страшно.

— Да, это страшно.

— А я? Какой я была там?

— Ты? — переспросил он, подбирая слова. — Ты одинаково прекрасна и тут, и там. Я даже ничего не мог подозревать. До сих пор не понимаю, как это все произошло?

— И я не понимаю… А работа? А твои знакомые, коллеги, ученики?

— Все было естественно и правдоподобно. В это трудно поверить, но это именно так.

— Но ведь теперь, здесь, в нашем мире, все по-другому… Ты исчез на полгода, ты потерял работу… Ты выпал из общества. Как теперь все устроится?.. Тебе придется всем что-то объяснять…

Илья Олегович ответил не сразу. До него вдруг дошел убийственный смысл вопроса, навалилось понимание абсурдности ситуации с точки зрения простых житейских вещей.

— Я понял… — тихо сказал он. — Они позволили мне вернуться сюда, чтобы я понял…

— Что понял?

— Что этот мир больше не нуждается во мне…

— А я?!

Катя хотела повернуться лицом к мужу, но он удержал ее. Они надолго замолчали. Потом Илья Олегович почувствовал, как дрожат плечи женщины.

— Не плачь, — сказал он. — Может быть, я буду иногда приходить… Я хорошо знаю, как это делается.

— Я… не верю. Тебе больше не дадут такой возможности.

— Ты думаешь? Может быть… — Илья Олегович задумался. — А давай уйдем вместе!

— Как это? — Катя все же повернулась к нему лицом. — Если я уйду с тобой, то потеряю все, понимаешь, абсолютно все здесь, и никогда не смогу вернуться. Этот мир не нуждается в тебе, а тот, параллельный — во мне. Что я приобрету там? В качестве кого я буду жить там? Понимаешь?

— Понимаю. Выходит, мы больше никогда не увидимся?

— Там у тебя есть другая я… И ты будешь с ней счастлив. Только расскажи ей обо всем. Обязательно расскажи. Она должна понимать, кто ты на самом деле, и что тебе пришлось пережить… Миссионерам во все времена было нелегко. Для того, чтобы выполнить свое земное предназначение, приходилось от многого отказываться. И ты не исключение. Я… очень люблю тебя, Илюша. Поэтому… понимаю, что тебе нужно уходить… Это и моя миссия тоже. Только пообещай, что ты не забудешь меня… Пожалуйста…

— Я не забуду тебя никогда, — шепнул Илья Олегович и крепко прижал к себе жену.

* * *

Он оглянулся. Ему показалось, что в окне спальни покачнулась занавеска.

«Смотрит, — понял Илья Олегович. — Она не могла не посмотреть, она все еще верит, что я не сделаю этого…»

Он подошел к рисунку на асфальте. Сейчас ему было все равно, видит ли его кто-нибудь кроме Кати: прохожие, соседские дети. Пусть иронично улыбаются неловким прыжкам взрослого человека, пусть думают, что угодно.

Через минуту, преодолев классическое упражнение, он прислушался к ощущениям в себе. И теперь уже сам улыбнулся, хорошо понимая, что никому не дано прочитать смысл и значение его улыбки.

Илья Олегович снова оглянулся на свои окна. Теперь он был твердо уверен, что Кати за шторой нет. Какой Кати — той или этой? И в голове его побежали, сменяя друг друга, новые мысли.

«Даже если у меня будет возможность кочевать из одного мира в другой, стоит ли пользоваться этим? Приходить к любимой женщине и уходить от нее — это значит постоянно мучить человека, который тебе предан, мучить ожиданием и расставанием. Нет, нужно уходить навсегда…»

И, чтобы не было соблазна в будущем, Илья Олегович подобрал валявшийся неподалеку кусок красного кирпича, присел на корточки и принялся размашисто заштриховывать клетки «классиков». Не обращая внимания на прохожих, он трудился несколько минут, понимая, что именно это нужно сделать сейчас. Потом выпрямился и с удовлетворением оценил результаты своих усилий.

«Всё, — подумал он, — точка перехода испорчена. Теперь ни я, ни кто-то другой, случайный. Зачем таскать негатив туда, где от него давно избавились?»

С чувством досады и опустошения в душе Илья Олегович шагнул в новый мир. И все же он был уверен, что совсем скоро новые возможности уникального дара откроются ему, и поглотят его целиком, и возведут его в новое качество. Теперь он был готов к этому, теперь он понимал, что поступил правильно.

… А за углом он увидел мальчика. Небольшого мальчика в светлой курточке и вязаной оранжевой шапочке, сползавшей ему на глаза. На вид ребенку было лет семь, не больше. Он поправлял шапочку одной рукой, а в другой держал мел и рисовал на асфальте «классики».

Илья Олегович оторопел. Ему вдруг показалось, что он находится в центре замкнутого круга, из которого невозможно вырваться на свободу. Круг этот постепенно сужается, осязаемо делается меньше, превращается в петлю, наброшенную ему на шею. Невольно он даже вскинул руки, чтобы проверить, так ли это.

Тем временем мальчик выпрямился и посмотрел на мужчину, стоявшего поодаль. И такой свет лучился из небесно-синих глаз ребенка, что Илье Олеговичу в одно мгновение стало легко на душе, и необъяснимое тепло разлилось по всему его телу.

— Можешь стирать, я все равно нарисую — там, где ты потом не найдешь… — сказал мальчик с невероятным спокойствием в голосе. Потом пошел, не оглядываясь, и скрылся за домом.

Илья Олегович еще долго стоял, не двигаясь с места. Восторг и ликование переполняли его. В эти минуты он отчетливо понимал, что далеко не каждому в жизни удается испытать на себе прикосновение ангела…